

Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм vs вестернизация*

Е.О. Соболева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

АННОТАЦИЯ

Сегодня тема обеспечения межпоколенческого диалога является одной из наиболее актуальных, что связано, с одной стороны, с объективными причинами — ускорение темпов общественного развития и смена коммуникационной парадигмы привели к появлению «цифрового разрыва» между поколениями, что влияет на качество передачи межпоколенческого духовного и интеллектуального опыта. С другой стороны, активно идущая на Западе социокультурная трансформация привела к формированию новых ценностных установок, отношение к которым у представителей разных поколений отличается. Проявляющийся ценностный разрыв в условиях отсутствия эмоциональной и психологической связи родителей и детей еще сильнее обостряет проблему межпоколенческой коммуникации и общественного единства. Как результат — родители перестают быть авторитетом, носителями опыта и знаний для своих детей, а образовавшийся вакуум заполняют блогеры, тиктокеры и селебрити. В индивидуалистических культурах, вроде США, эта проблема сегодня является ключевой при анализе межпоколенческих взаимоотношений. В коллективистских культурах, несмотря на сохранение института семьи в жизни ребенка, влияние интернета делает свое дело, и молодежь постепенно приобщается к новомодным ценностям западно-либеральным стандартам. Ключевой вопрос заключается в том, насколько в условиях неизбежной ценностной трансформации китайскому обществу с его многовековыми традициями удастся обеспечивать межпоколенческий диалог.

Ключевые слова: межпоколенческий диалог; Китай; конфуцианство; вестернизация; социокультурная трансформация

Для цитирования: Соболева Е.О. Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм vs вестернизация. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):22-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-22-26

ORIGINAL PAPER

Providing Intergenerational Dialogue in Contemporary China: Traditionalism vs Westernisation**

E.O. Soboleva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

ABSTRACT

Today, providing intergenerational dialogue is one of the most relevant ones. On the one hand, it relates to objective reasons — the acceleration of the social development pace and transformation of the communication paradigm has led to the emergence of a “digital divide” between generations, which affects the quality of intergenerational spiritual and intellectual experience transmission. On the other hand, the socio-cultural transformation actively taking place in the West has led to the formation of new values and beliefs, the attitude towards which among representatives of different generations is not the same. The emerging value gap in the absence of emotional and psychological connection between parents and children further exacerbates the problem of intergenerational communication and social cohesion. As a result, parents cease to be an authority, custodian of experience and knowledge for their children, and the resulting vacuum is filled by bloggers, “tiktokers”, and celebrities. In individualistic cultures such as the United States, this problem is vital in analysing intergenerational relationships. In collectivist cultures, despite the preservation of family institutions

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2021 г.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on the state order to the Financial University in 2021.

in a child's life, the influence of the Internet is doing its job, and young people are gradually joining the new-fangled value of Western liberal standards. And the critical question is to what extent, given the inevitable value transformation, the Chinese society, with its centuries-old traditions, manages to ensure intergenerational dialogue.

Keywords: intergenerational dialogue; China; Confucianism; westernization; socio-cultural transformation

For citation: Soboleva E.O. Providing intergenerational dialogue in contemporary China: Traditionalism vs westernisation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):22-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-22-26

Тема межпоколенческих отношений является одной из наиболее популярных в современной психологии и социологии, так как сегодня мир переживает очередную виток социокультурной трансформации, на которую индивиды и группы ввиду личного опыта и социально-политических установок реагируют по-разному, что порождает ценностный разрыв в обществе. Причем сильнее всего этот ценностный разрыв виден через призму поколенческого отношения к социокультурной трансформации. Стремительно меняющиеся нормы поведения и ценностные установки становятся причиной противоречий между поколениями, так как скорость и желание их имплементации у представителей разных поколений отличается. Нивелировать этот разрыв и обеспечить устойчивость общества возможно путем диалога между поколениями.

Китайский кейс был взят не случайно, так как, несмотря на глобализацию и всеобщий процесс вестернизации, КНР на протяжении длительного времени удавалось сохранить многовековые конфуцианские традиции, на которых зиждется китайское общество, а также инициировать альтернативный вариант цивилизационного развития, оформленный в концепцию истернизации. Разумеется, это не значит, что китайское общество не претерпело изменений — оно, как и все остальные, под влиянием современных глобализационных процессов приобрело ряд новшеств, но сумело сохранить ценностный фундамент, заложенный тысячелетия назад и передаваемый из поколения в поколение. С самого детства юным китайцам внушают тезис Конфуция: «Из древних, чудесных камней сложите ступени будущего»¹.

Для анализа китайской модели межпоколенческого диалога обратимся к системному

подходу, рассмотрев межпоколенческое взаимодействие как отдельную социальную систему, состоящую из субъектной подсистемы (кто задействован в процессе), институциональной подсистемы (какие социальные институты принимают участие в этом процессе), ценностной подсистемы (каков объект и продукт этого взаимодействия), процессуальной подсистемы (характер взаимодействия).

Начнем с субъектной. В воспитании молодого поколения задействованы все члены семьи, включая бабушек и дедушек. Подобная модель семейных отношений основывается на ключевой роли семьи в китайском обществе — именно она ответственна за воспитание моральных и нравственных качеств у подрастающего поколения. На этом же принципе строится и государство в целом. Конфуций заложил основы взаимоотношений семьи и государства, сформулировав их следующим образом: «Государство — это большая семья, а семья — это маленькое государство». В итоге, базовыми нормами поведения, передаваемыми от старшего поколения младшему, являются уважение к старшим, преклонение перед их авторитетом и опытом, беспрекословное подчинение ему.

В результате китайская модель межпоколенческого диалога базируется на традиционном понимании семьи, задача которой передать традиции и ценности китайской культуры от старших поколений младшим. Не изменился тип культурной трансмиссии и сегодня — семья несет полную ответственность за воспитание молодого человека перед обществом и государством. Именно поэтому родители контролируют все сферы жизни ребенка, применяя зачастую жесткие методы воспитания [1].

В то же время нужно признать, что реформы Дэн Сяопина, начатые в конце 1970-х гг., коснулись и социальной сферы, а именно — видоизменили структуру семьи. Был осуществлен переход от традиционной семьи, к которой относились родители и дети со своими семьями,

¹ Этические стандарты Древнего Китая в афоризмах Конфуция». URL: <https://clck.ru/XwMHP>.

живущие под одной крышей, к нуклеарной. Изменения коснулись авторитета и статуса старшего члена семьи: в рамках традиционной патриархальной семьи главой считался самый старший ее член, а в нуклеарной — супруг. Подобная трансформация структуры семьи привела к определенному дистанцированию детей от взрослых в их представлениях о ценностях и образе жизни. Более того, многовековая традиция многодетных семей в условиях принятия правила «Одна семья — один ребенок» ушла в прошлое. И, несмотря на то, что в 2015 г. эта политика была официально отменена², в китайском обществе сохранился феномен «маленького императора» (сяо хуанди) — единственного ребенка в семье, для которого взрослые стараются создать особые условия, баловать, удовлетворять материальные потребности. Подобная модель воспитания детей положила начало социальному расслоению учащихся в школах и вузах на «бедных» и «обеспеченных». По данным китайских социологических опросов, более 60% респондентов отмечают, что стыдятся своего бедственного финансового положения, а 22% испытывают унижение из-за этого и стремятся самоизолироваться [2]. Подобная ситуация ведет к постепенному отмиранию принципа самосовершенствования и нравственной ответственности перед собой и обществом, заложенного в конфуцианстве.

Также существует риск отхода от базового принципа конфуцианства — сыновьего почтения и долга, который перерастает в заботу о престарелых родителях. В условиях дифференцированного уровня социального страхования и пенсионного обеспечения дети берут на себя финансовую заботу о своих родителях в старости [2]. В то же время финансово обеспечивать родителей и прародителей с обеих сторон одному ребенку сложно, особенно если в семье родилась девочка, которая после выхода замуж должна заботиться о родителях мужа. Для нивелирования этой проблемы в 1997 г. Госсовет КНР принял решение о введении системы базовой пенсии для работников государственного сектора, а несколько лет назад в Китае появились дома престарелых западного образца [3].

Результатом подобной трансформации структуры семьи является постепенное разрушение традиционных ценностей: на смену абсолютному почитанию старших приходит индивидуальное развитие молодых китайцев и диалог на равных между поколениями, что характерно для западной индивидуалистической культуры. Более того, традиционные вертикальные отношения «отец-сын» все чаще подменяются горизонтальными — «семья-общество». Опасность подобной трансформации кроется в том, что почитание старших — не просто поведенческая норма, — в его основе лежит поддержание гармоничного развития общества и государства, и уважение к императору/руководителю также базируется на этом конфуцианском принципе. Таким образом, раньше, будучи важнейшим социальным паттерном и регулятором, этот принцип поддерживался государством посредством идеологии и законодательной системы.

Помимо семьи, в межпоколенческой коммуникации и передаче опыта принимают участие и другие социальные институты, в первую очередь — школа и вуз (институциональная подсистема). Они во многом компенсируют те ценностные изменения, которые были отмечены выше при анализе института семьи. Так, ученик и студент обязаны соблюдать принцип уважения и почтения к учителям и преподавателям — с ними не спорят, их слова не подвергаются сомнению, так как они — носители опыта и знаний. В то же время образовательные институты закладывают такие ценности, как трудолюбие, дисциплинированность, нацеленность на результат и самоотдачу. Задача каждого ученика — проявлять старательность и работать на пределе возможностей: подобная требовательность к себе и строгость педагогов позволяют абсолютному большинству учащихся выйти с одинаково высоким уровнем знаний [1].

Соответственно, все вышеперечисленное позволяет выделить базовые ценности, которые передаются из поколения в поколение, — именно они являются объектом межпоколенческого взаимодействия и прописаны в базовых сводах конфуцианских текстов «Лунь Юй» («Беседы и Суждения») и «Сы шу» («Четверокнижие»). К ним же можно отнести главный принцип конфуцианской этики — «жэнь» (совершенная добродетель, милосердие) [2], основанные на

² Власти Китая разрешили семьям заводить трех детей.
URL: <https://clck.ru/XwNNz>.

нем почтительность и уважение к старшим, а также нравственную ответственность человека перед самим собою и социумом. Все это является интегрирующими ценностями, способными объединить представителей разных поколений. В то же время можно отметить ряд ценностей, которые, несмотря на свое существование и поддержку старшего поколения, все меньше воспринимаются молодыми как основополагающие. Среди них — абсолютный авторитет главы семьи и многочисленная патриархальная семья, что ввиду индивидуалистического подъема среди молодежи и трансформации семейного устройства перестало играть ключевую роль в жизни молодых китайцев.

Тем не менее описанная выше традиционность китайского общества требует некоторого уточнения. Так, подробный анализ современной ценностной системы молодых китайцев демонстрирует влияние Запада и западных ценностей на их мировоззрение, что выражается в росте индивидуализма и продвижения так называемой культуры «милоты, детскости, ребячества» среди взрослой молодежи или кавайности. Иными словами, кавайность³ хорошо вписывается в новую западную парадигму вечного детства и молодости. Данная тенденция стала возможной в традиционном китайском обществе благодаря интернету — глобальная сеть привела к передаче опыта западной культуры, преимущественно американской. В то же время, несмотря на распространенность культуры кавайности, молодые китайцы, в отличие от американцев, рано взрослеют — высокая конкуренция среди многочисленного населения за достойную работу и положение в обществе заставляет их быстро сделать профессиональный выбор и развиваться в этой стезе. Более того, целенаправленную политику в этой области проводит и государство, препятствуя на законодательном уровне масштабному распространению современной западной системы ценностей среди молодежи. Так, в 2021 г. был принят закон, согласно которому на телевидении запрещено показывать «женоподобных» мужчин. Вместо этого телеканалы будут продвигать социали-

стическую культуру и традиционные китайские ценности. Кроме того, дети до 16 лет не могут участвовать в интернет-стримах, а склонение их к заработку в сети Интернет жестко карается законом. Запрещена также пропаганда среди детей материалистических ценностей и «поклонения деньгам»⁴.

В итоге основным отличием западной и китайской моделей межпоколенческого взаимодействия является сохраняющийся в Китае тип передачи опыта и знаний — от старших к младшим (процессуальная подсистема межпоколенческого взаимодействия). Именно старшее поколение является носителем уникальных традиций и бесценного опыта, за передачу которого оно ответственно не только перед семьей, но и обществом, и государством в целом. Причем в Китае считается, что учиться на своих ошибках — это неверная жизненная стратегия, являющаяся результатом неправильного воспитания родителей. Поэтому ответственность старшего поколения сводится к тому, чтобы «ребенок этих ошибок не совершал» — так называемое «стратегическое авторитарное воспитание» [4]. И, судя по опросу, проведенному агентством «Синь-Хуа», китайская молодежь подобную модель воспитания принимает. Так, опрос школьников в возрасте от 13 до 19 лет показал, что в десятке героев на второе место они ставят своих родителей, а сам образ героя ассоциируется у них с добротой и благородством⁵.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее: китайское общество изменяется, и это влияет на межпоколенческое взаимодействие. Среди основных факторов, влияющих на этот процесс: трансформация института семьи (переход от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной), влияние вестернизации, изменение внутрисемейных отношений и роли детей в семье [5].

Но, несмотря на новые тенденции, Китай остается представителем коллективистской культуры, общественное устройство зиждется на иерархии зависимостей — т.е. каждый зависит от кого-то. И задача родителей — воспитать ребенка таким образом, чтобы он смог

³ Понятия «кавайный» или «каваии» пришли из японской культуры и означают «милый», «прелестный», «хорошенький», «славный», «маленький». То есть кавайность — это культура «милоты», трогательности и беззащитности.

⁴ В Китае запретили вести стримы детям до 16 лет и делать из них звезд. URL: <https://clck.ru/XwNi6>.

⁵ Семейное воспитание в Китае: конфуцианские традиции и современные проблемы. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Котельникова.pdf>.

адаптироваться и ориентироваться в данной системе, подчиняя собственные интересы ценностям группы. Такая модель априори готовит человека с детства к подчинению и гармоничному социальному взаимодействию с группой/

социумом без каких-либо противоречий. И то место, где ребенок впервые осваивает данную систему зависимостей, — это семья, которая способствует его дальнейшей способности ориентироваться в социальной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громова А. Особенности китайского воспитания: как сделать из ребенка «сверхчеловека». URL: <https://clck.ru/XwMMW>.
2. Котельникова Н. Семейное воспитание в Китае: конфуцианские традиции и современные проблемы. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Котельникова.pdf>.
3. Забродина Е. Поднебесная, но не заоблачная. Как устроена пенсионная система в современном Китае. URL: <https://clck.ru/Ucjpo>.
4. Прихожан А., Толстых Н. Психология подросткового возраста. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2016.
5. Кузьменко Е. Б., Скворцова И. А., Терешкова Н. С. Особенности взаимоотношений в китайской семье. *Молодой ученый*. 2015;19(99):99–102.

REFERENCES

1. Gromova A. Features of Chinese upbringing: making a “superman” out of a child. URL: <https://clck.ru/XwMMW>. (In Russ.).
2. Kotelnikova N. Family education in China: Confucian traditions and modern problems. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Kotelnikova.pdf>. (In Russ.).
3. Zabrodina E. Celestial, but not transcendental. How does the pension system work in modern China? URL: <https://clck.ru/Ucjpo>. (In Russ.).
4. Parishioners A., Tolstykh N. Psychology of adolescence. Textbook and workshop for academic bachelor's degree. Moscow: Yurayt; 2016. (In Russ.).
5. Kuzmenko E. B., Skvortsova I. A., Tereshkova N. S. Peculiarities of relationships in a Chinese family. *Molodoy ucheny = Young scientist*. 2015;19(99):99–102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Олеговна Соболева — аспирантка Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
EOSoboleva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya O. Soboleva — Postgraduate Student, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
EOSoboleva@fa.ru

Статья поступила 15.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.